

Н.К.Шильдер

**Император Александр I. Его
жизнь и царствование**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К.Шильдер**
Император Александр I. Его жизнь и царствование: Том 4 / Н.К.Шильдер – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 683 с.

ISBN 978-5-458-10814-0

Шильдер Николай Карлович (1842-1902) – русский историк, директор Публичной библиотеки в Петербурге. Написал биографии Павла I, Александра I, Николая I и Э.Н.Тотлебена. Данная книга посвящена императору Александру I – старшему сыну Павла I. С 450 иллюстрациями. С.-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1898.

ISBN 978-5-458-10814-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЪ САМЫЙ день новаго 1816 года появился манифестъ, содержаніе котораго должно было навести друзей Александра на тяжелыя размышленія; въ немъ ясно выразились политическія воззрѣнія, при которыхъ началось послѣднее десятилѣтіе царствованія Благословеннаго. Манифестъ изъяслялъ высокомонаршую признательность воцнству и народу за оказанныя въ продолженіе войны съ французами подвиги, но къ этому прилѣпано было длинное, витѣватое сочиненіе съ весьма своеобразною оцѣнкою событій, совершившихся со времени французской революціи по 1816 годъ. Въ особенности поражаетъ рѣзкость выраженій относительно Франціи. Парижь, по словамъ манифеста, является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной. Наполеонъ названъ простолудинномъ, чужеземнымъ хищникомъ, преступникомъ, присвоившимъ себѣ «Богу токмо одному свойственное право единовластнаго надъ всеѣмъ владычества» и возмечтавшимъ «на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать

въ видѣ Божества на гробѣ вселенной». Затѣмъ манифестъ продолжаетъ: «Судъ человѣческій не могъ толпкому преступнику паречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанеть онъ на страшномъ судѣ, всемірною кровью обліянный, передъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе».— Въ заключеніе, по поводу водворенія всеобщаго мира и подвиговъ, совершенныхъ росіянами, было сказано: «самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, стѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна передъ Тѣмъ, Кто пзлялъ на насъ толкія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы пзложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся»¹.

Манифестъ этотъ произвелъ во Франціи крайне тягостное впечатлѣніе и вызвалъ среди народа полное разочарованіе въ монархіи, котораго онъ привыкъ считать самымъ великодушнымъ изъ своихъ враговъ. Лагарпъ сильно огорчился этимъ событіемъ и написалъ Александру письмо, въ которомъ признавался, что бывають минуты, когда онъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что существуетъ заговоръ противъ славы, пріобрѣтенной государемъ въ 1814 году².

Послѣ потрясеній, продолжавшихся двадцать пять лѣтъ, въ политической жпзни европейскихъ государствъ наступило полное замиреніе. Европа дѣйствительно нуждалась прежде всего въ отдыхѣ и покоѣ, и на первый разъ самое спокойствіе представляло собою какъ бы улучшеніе сравнительно съ прежнимъ тревожнымъ состояніемъ. Съ этого времени акты Вѣнскаго конгресса явились охранительными грамотами европейскаго если не благополучія, то, по крайней мѣрѣ, спокойствія, въ которомъ чувствовалась всеобщая потребность. Происходили частныя взрывы, но европейская война была надолго отклонена, и мпръ не былъ нарушенъ.

Императоръ Александръ, благодаря мужеству и пастойчивости, выказаннымъ имъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлался основателемъ того порядка вещей, которому на многіе годы подчинилась Европа. Весьма естественно, что у него явилось стремленіе оберегать и поддерживать постановленія, которымъ онъ даровалъ законную и обязательную силу, хотя бы нерѣдко они не совпадали съ государственными интересами Россіи; ему могло казаться, что онъ не останется вѣренъ себѣ, даже не сохранить послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, если откажется отъ созданной цѣною тяжкихъ трудовъ политической системы. У каждаго

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Съ литографіи, сдѣланной съ портрета, находящагося въ «Возной газетѣ» Злинскаго двора.

человѣка проявляется желаніе охранять дѣло рукъ своихъ, и поэтому Александръ упорно отстаивалъ неизбѣмость постановленій Вѣнскаго конгресса со всеми преещими имъ несовершенствами. Но, къ несчастью, къ этому естественному стремленію примѣшались туманныя идеи Священнаго союза; вредное вліяніе этихъ идей обнаружилось лишь по-

степенно. Релгія не сразу явилась орудіем реакціи; точно такъ же упорное противодѣйствіе законнымъ народнымъ стремленіямъ къ достиженію гражданского прееуспѣянія обратилось въ систему только благодаря содѣйствію благопріятныхъ для реакціонныхъ теченій обстоятельствъ.

Меттернихъ не мало смутился, когда Александръ даровалъ въ 1815 году Польшѣ законнозободныя учрежденія и подалъ надежду распространить ихъ и далѣе, если Промыслъ благословитъ благое начинаніе его. Но для того, чтобы проводить подобныя взгляды не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ, требовался человекъ съ твердою волею, одаренный непоколебимымъ духомъ; между тѣмъ, дѣйствительная обстановка того времени представляла обратное явленіе. Весь запасъ твердой воли Александра оказался потраченнымъ на борьбу его съ Наполеономъ, потребовавшую высшаго напряженія всѣхъ его духовныхъ и физическихъ силъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у государя проявились крайняя усталость и душевное утомленіе.

Видѣть съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что наслѣдственные инстинкты, угнѣрявшіея доселѣ подъ вліяніемъ полученнаго воспитанія, окрѣпли подъ напоромъ жизни и обстоятельствъ; они одержали верхъ надъ пршвитымъ взглядамъ и убѣжденіями. Меттернихъ мастерски воспользовался обстановкою, вызванною къ жизни событіями послѣднихъ лѣтъ, и съ прещущимъ ему дипломатическимъ искусствомъ поставилъ дѣло такъ, что европейская реакція, въ дѣйствительности руководимая и направляемая Австріею, являлась какъ бы твореніемъ Александра. Незамѣтнымъ для Агамемнона царей образомъ лавровый вѣнецъ его обратился въ терновый, освободительница же Европы, Россія, лишилась славы, пріобрѣтенной цѣною столькихъ жертвъ, и послужила для европейскихъ правительствъ средствомъ для отвода отъ нихъ народной ненависти.

Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ лѣтъ; онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей вѣшняго порядка. При такомъ настроеніи явилась невольная склонность и даже потребность передать бремя заботъ по внутреннему управленію имперіи въ жесткія руки вѣрнаго друга, довѣріе къ которому было всегда неограниченно. Настало время, когда Карамзинъ имѣлъ полное основаніе писать: «Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа— графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми». Къ этому же заключенію пришелъ и графъ Ростопчинъ, сказавъ: «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ».

Впрочемъ, Аракчеевъ самъ сознавался, что онъ имѣетъ на шеѣ дѣла всего государства.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

Дѣйствительно, всѣ дѣла государственнаго управленія, не псключая даже духовныхъ, разсматривались и приготовлялись къ докладу въ кабинетъ Аракчеева. Поэтому можно утвердительно сказать, что въ это время онъ сдѣлался первымъ или, лучше сказать, единственнымъ министромъ; всѣ прочіе сановники имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя. Императоръ Александръ, постепенно все болѣе

Николай Мартыновичъ Сипягинъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Россія.

уединяясь, наконецъ сталъ принимать съ докладами только одного графа Аракчеева, черезъ котораго восходили къ государю не только представленія всѣхъ министровъ, но даже, лишившіяся вслѣдствіе того всякаго значенія, мнѣнія Государственнаго Совѣта. Современники этой эпохи говорятъ, что самыя незлобивыя люди теряли терпѣніе, будучи принуждены имѣть дѣло съ кичливымъ временщикомъ, заставлявшимъ ихъ съ сожалѣніемъ вспоминать о ласковомъ обращеніи государя. Теперь водворились новые порядки, и осталось одно воспоминаніе о тѣхъ

временахъ, когда, даже еще въ 1811 году, Александръ писалъ Лагарпу: «Здѣсь мы идемъ медленно, но всегда приближался болѣе и болѣе къ либеральнымъ идеямъ»³. Съ четырехъ часовъ ночи начинали съѣзжаться къ графу Аракчееву министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ, на докладъ графу о прибытіи кого либо изъ нихъ, не получалъ никакого отвѣта, что значило подождать. Нерѣдко случалось, что и второму докладу служило отвѣтомъ молчаніе графа, повидимому, погруженнаго въ занятія за письменнымъ столомъ своимъ. Наконецъ, въ кабинетѣ раздавался звукъ колокольчика, и графъ, обратясь къ вошедшему къ нему адъютанту, надменно произнесъ: «позвать такого-то!»— Сама аудіенція была достойна всѣхъ предварительныхъ мытарствъ, испытанныхъ докладчиками, и тѣмъ кто болѣе оказалъ государству заслугъ и пользовался милостью государя, тотъ тѣмъ болѣе подвергался грубостямъ высокоумнаго временщика.

Князь Волконскій называлъ графа Аракчеева не иначе какъ «проклятый змѣй», «злодѣй» и выражалъ убѣжденіе, что извергъ сей губитъ Россію, погубитъ и государя. Въ своей перепискѣ онъ говоритъ: «Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя, коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыты же пхъ нѣтъ возможности по непоплатному ослѣпленію его къ нему»⁴. Генералъ-адъютантъ Закревскій выражался о «змѣѣ» не менѣе краснорѣчиво и признавалъ его «вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи», сожалѣя, что «сіе перемѣнитъ одна его могила»⁵. А. П. Ермоловъ, П. Д. Киселевъ не отставали отъ другихъ въ полномъ осужденіи государственной дѣятельности ненавистнаго всѣмъ, грубаго и злого временщика, но всѣ единодушно признавали себя безсильными вступить съ нимъ въ борьбу и поколебать его значеніе.

Карамзину пришлось вскорѣ испытать всю справедливость сдѣланнаго имъ отзыва о томъ, что въ Россіи теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ.

Въ февралѣ 1816 года Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія императору первыхъ восьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго». Тщетно исторіографъ ожидалъ счастья быть принятымъ Александромъ; императрицы, великіе князья и великія княгини осыпали его любезностями, восхищались чтеніемъ отрывковъ изъ его многолѣтняго труда, но вопросъ объ аудіенціи не подвигался впередъ. Карамзинъ все только слышалъ, что государь благорасположенъ принять его⁶. Наконецъ исторіографу передали, что графъ Аракчеевъ желаетъ его видѣть и сказалъ: «Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!»⁷. При такомъ положеніи дѣлъ Карамзину оставался одинъ исходъ: пройти по тернистому пути, по которому въ томъ же году предстояло также

шествовать Сперанскому. Чтобы попасть въ рай, нельзя было избѣгать чистилища, гдѣ засѣдалъ суровый игумень Грузинскаго монастыря. Такъ было угодно государю. Карамзинъ, надѣвъ мундиръ, скрѣпя сердце, отвезъ карточку къ графу Аракчееву: «На третій день получень отъ него зовъ», писалъ Карамзинъ женѣ, «пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорилъ съ нѣкоторою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства и, на вызовъ его замолвить за меня слово государю, отвѣчалъ: «не прошу ваше сіятельство, но если вамъ угодно, и если будетъ кстати», и проч. Онъ сказалъ: «Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь».—Вообще, я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правдами. Вотъ его слова: «учителямъ моимъ былъ дьячокъ: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно»... Графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно?»⁸.

Вынужденное посѣщеніе сопровождалось для Карамзина благодѣтельными послѣдствіями, всемогущество же графа Аракчеева подтвердилось блистательнымъ образомъ. 15-го (27-го) марта, въ 5 часовъ вечера, императоръ Александръ принялъ исторіографа. «Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты», пишетъ Карамзинъ, «встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не вообразишь всей его любезности, пріятности. Я хотѣлъ ему прочесть его дедикацію: два раза начинать и не кончилъ. Скажи: тѣмъ лучше! ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, дано какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь, въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч.»⁹.

Черезъ нѣсколько дней государь пожаловалъ еще Карамзину, сверхъ чина статскаго совѣтника, Анненскую ленту, чему не было прежде примѣровъ. Въ маѣ 1816 года исторіографъ водворился въ Царскомъ Селѣ, и вскорѣ началось печатаніе его безсмертнаго труда¹⁰.

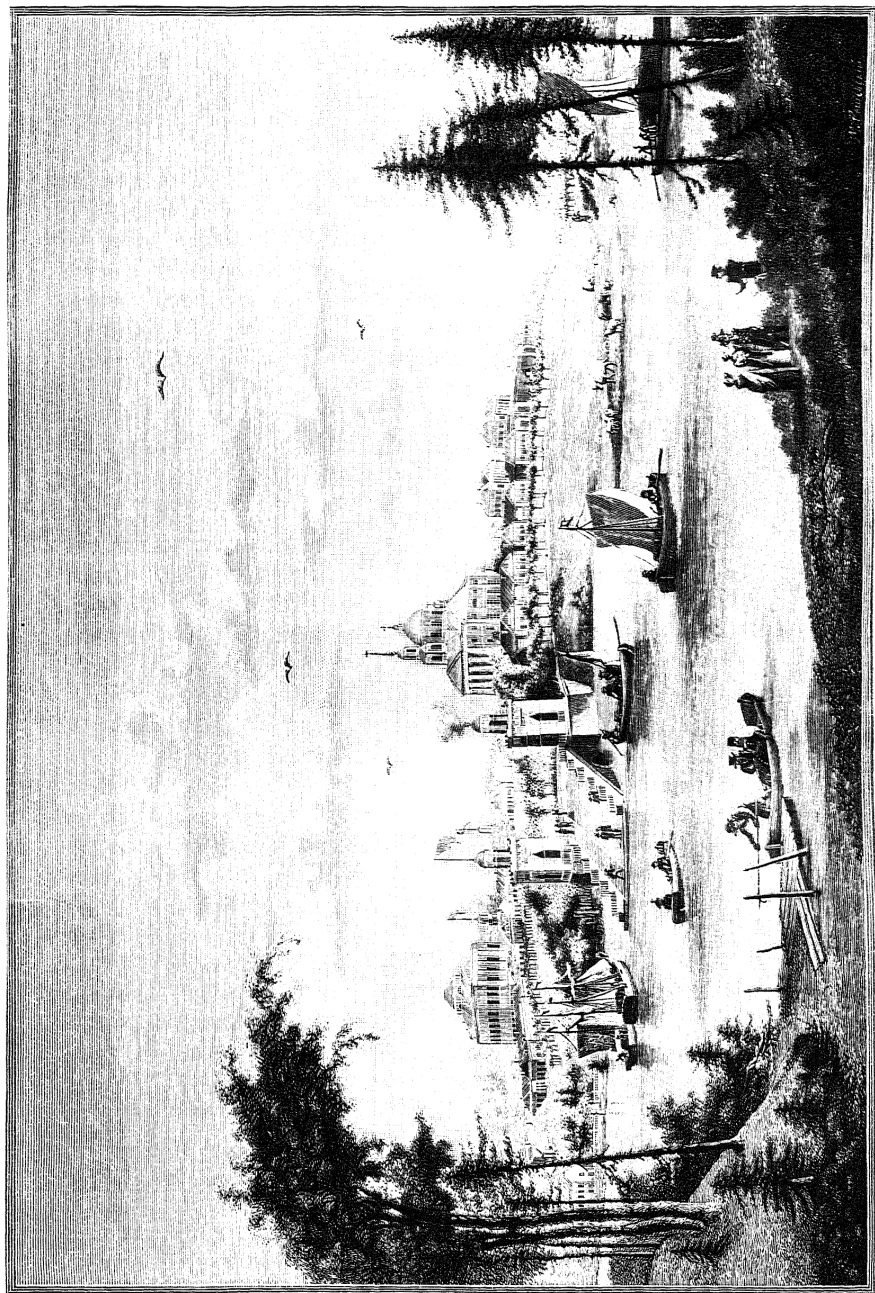
Отказавшись отъ прежней преобразовательной дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ дѣламъ, перешедшимъ въ руки графа Аракчеева, государь продолжалъ лишь, по заведенному порядку, заниматься внѣшними дѣлами. «Я не хотѣлъ дать вамъ преемника и самъ поступилъ на ваше мѣсто», сказалъ Александръ графу Румянцеву при

его увольненіи и до кончины своей не отступилъ отъ принятаго на себя труда. По заключеніи второго Парижскаго мира графу Каподистріа назначено было пребыть въ Петербургъ. Здѣсь императоръ повелѣлъ ему впредь входить къ нему съ докладами два раза въ недѣлю, совместно съ графомъ Нессельроде; послѣднему, сверхъ того, поручено было управление министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и присутствованіе въ иностранной коллегіи. Графу Каподистріа ввѣренъ былъ также докладъ по дѣламъ Бессарабской области. Баронъ Строгоновъ долженъ былъ замѣнить въ Константинополѣ Италинскаго, переведеннаго въ Римъ.

Графъ Каподистріа воспользовался назначеніемъ барона Строгонова, чтобы высказать государю свои замѣчанія на Букарестскій трактатъ и полную невозможность найти въ этомъ договорѣ полезное и прочное основаніе для мирныхъ сношеній съ Оттоманскою Портою, которая желала установить при отправленіи новаго посла въ Константинополь. Въ виду дружественныхъ отношеній Турціи къ Наполеону, продолжавшихся и послѣ заключенія мира съ Россіею, Каподистріа признавалъ полезнымъ замѣнить Букарестскій трактатъ новымъ договоромъ, которымъ были бы ограждены права Придунайскихъ княжествъ и Сербіи, подкрѣпивъ эти требованія военною демонстраціею на Черномъ морѣ и на турецкой границѣ.

Императоръ Александръ выслушалъ доводы графа Каподистріа съ полнымъ вниманіемъ и затѣмъ сказалъ: «Все это очень хорошо обдумано, но для того, чтобы исполнить это, надобно воевать, а я этого не хочу. Довольно было войнъ на Дунаѣ, онѣ деморализируютъ арміи. Вы сами были тому свидѣтелемъ. Впрочемъ, миръ въ Европѣ еще не обезпеченъ, и революціонеры ничего лучшаго не желаютъ, какъ втравить меня въ борьбу съ Турціею. Букарестскій договоръ, хорошъ онъ или дуренъ, долженъ быть сохраненъ. Слѣдуетъ примириться съ нимъ и стараться извлечь изъ него всю возможную пользу, чтобы помочь нѣсколько княжествамъ и сербамъ, а особенно, чтобы турки не безпокоили насъ своими притязаніями относительно азіятскаго побережья. Въ этомъ смыслѣ поручаю вамъ работать при отправленіи барона Строгонова¹¹.

Все возраженія, которыя Каподистріа осмѣлился представить, оспаривая взглядъ, проводимый въ восточной политикѣ государемъ, не достигли цѣли. Александръ остался непреклоннымъ (inébranlable). Каподистріа, какъ онъ самъ признается, удалился съ стѣсненнымъ сердцемъ; онъ видѣлъ, что государь хотѣлъ упрочить миръ съ турками на основаніи Букарестскаго договора, и что онъ особенно хотѣлъ убѣдить въ томъ европейскія державы. Между тѣмъ, опытный дипломатъ былъ увѣренъ, что переговоры, которые предстояло вести барону Строгонову, приведутъ въ концѣ концовъ къ совершенно противоположному результату.

Видъ съеза Грузина въ начаткѣ шипильнаго столбѣтїи.
Съ истиннаго рисунка съ натуры П. Павлина, 1812 г. (Изъ софїи П. Я. Давидова).

Дѣйствительно, съ одной стороны приходилось требовать вознагражденія и удовлетворенія за нарушеніе и неточное исполненіе статей договора, касавшихся княжествъ и Сербіи, а съ другой,—найти средства отклонить домогательства Порты о возвращеніи ей крѣпостей кавказскаго прибрежія. Поэтому было очевидно, что пренія, которыя должны были возникнуть вслѣдствіе посольства Строгонова, вызовутъ со стороны турокъ и европейскихъ державъ подозрѣніе, что Россія скрываетъ свои истинныя намѣренія и что она, нисколько не желая устранить препятствій къ упроченію мирныхъ сношеній съ Портою, старается лишь вызвать неудовольствія, которыя современемъ оправдали бы новую войну.

И такъ, Строгонову дана была инструкція, разработанная согласно намѣреніямъ, высказаннымъ императоромъ; эти начала опредѣлили собою русскую восточную политику до 1825 года. Слова Александра: «Il faut drait tirer le canon et je ne le veux pas» остались въ полной силѣ даже во время греческаго возстанія и не могли быть поколеблены безпримѣрными нествозствами, совершенными впоследствии турками.

Возвращеніе государя въ Петербургъ сопровождалось, начиная съ 1816 года, многими важными перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго управленія имперіи¹². 12-го (24-го) мая 1816 года, на мѣсто уволеннаго генерала Ртищева, командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса былъ назначенъ генералъ Г. П. Ермоловъ, и, подобно, какъ его предѣстнику, гражданскою частію, какъ въ Грузіи, такъ и въ Кавказской; вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. Послѣ кончины свѣтлѣйшаго князя Н. И. Салтыкова, послѣдовавшей 16-го (28-го) мая 1816 года, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ назначенъ былъ свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ. 10-го (22-го) августа 1816 года министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, былъ уволенъ по прошенію отъ службы, и повелѣно было, до опредѣленія министра просвѣщенія, исправлять должность его главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю А. Н. Голицыну. Съ этого времени фактически духовныя дѣла и народное образованіе были вѣрены управленію одного лица. Окончательное, такъ сказать, юридическое ихъ сліяніе не замедлило совершиться въ слѣдующемъ 1817 году, 24-го октября (5-го ноября).

Въ послѣдовавшемъ тогда манифестѣ возвѣщалось о соединеніи дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія, подъ названіемъ Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Вновь образованное министерство было вѣрено князю А. Н. Голицыну, который, по свидѣтельству современника, «влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ».